

Россия в поисках будущего

Под эгидой Российского общества социологов, Всероссийского научного общества социологов и демографов, Московского государственного социального университета, Российского гуманитарного научного фонда, Института «Открытое Общество» и Программы «Восток-Восток» в Москве 23-24 октября 1995 г. проходила Международная научная конференция «Россия в поисках будущего». Более 200 ученых, которые представляли различные регионы страны от Калининграда до Хабаровска, собрались в стенах Московского государственного социального университета, чтобы обсудить на пленарных заседаниях и «круглых столах» проблемы, возникающие в процессе реформирования российского общества, и роль социологической науки в этом процессе. Вместе с ними в дискуссиях участвовали ученые ближнего и дальнего зарубежья, в том числе представители Армении, Белоруссии, Киргизии, Латвии, Украины и Эстонии, а также Болгарии, Норвегии и Польши. Мы публикуем доклады, которые прозвучали на открытии этого научного форума.

© 1996 г.

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна - академик, почетный президент Российского общества социологов.

Хотелось бы поделиться своими соображениями о современной общественной ситуации и - в этой связи - о положении в социологии, ее роли в переживаемом нашим обществом трансформационном процессе, о стоящих перед данной наукой задачах, возможностях их решения. Начну с первой группы проблем.

Оценка современной общественной ситуации

Почти десять лет продолжается реформирование российского общества. Тех, кто когда-то воспринял перестройку как свое кровное дело и принимал активное участие в социальных преобразованиях, эта дата побуждает к подведению определенных итогов. Но по каким критериям следует оценивать результаты реформ? Ни доля приватизированных предприятий, ни курс рубля по отношению к доллару, ни размер бюджетного дефицита здесь, конечно же, не годятся. Не правильнее ли попробовать оценить степень реализации тех целей, которые выдвигались реформаторами в начале преобразований? Вспомним, тогда цели виделись в том, чтобы остановить очевидные процессы распада, вызванные отсталостью общественных отношений, открыть дорогу научно-техническому прогрессу, динамичному развитию экономики, духовному возрождению общества и на этой основе сделать жизнь россиян более комфортной, содержательной и свободной. Главными же источниками общественного подъема должны были стать демократизация политических отношений и развитие рынка, содействующие более активной мобилизации общественной творческой и деловой энергии наших граждан.

Однозначно оценить степень реализации этих целей сегодня трудно, так как Россия все еще находится на перепутье между уничтоженным старым и не построенным

новым. Но вместе с тем нельзя отрицать, что за истекшие десять лет наше общество неузнаваемо изменилось. Одни стороны его жизни оздоровились, внушают надежды; другие, напротив, пришли в упадок. Какая же из этих тенденций является главной, определяет общий итог? На мой взгляд, реформы, несмотря на многие связанные с ними тяжкие издержки, в целом все-таки дали толчок к развитию, а не к деградации общества. В частности, удалось преодолеть характерную для предперестроечных лет атмосферу застоя, разложения и безнадежности. Если прежняя система, не давая нормального выхода человеческой энергии, толкала людей в первую очередь к пьянству, то современная заставляет их прежде всего работать, «вертеться», пусть только ради средств существования. А это уже прогресс. Тем не менее социальная цена реформ оказалась гораздо более тяжелой, чем ожидалось и обещалось, что в конце концов привело к разочарованию, усталости, аномии весьма большой части населения.

Социология, как и другие общественные науки, несет определенную ответственность за то, как именно осуществлялись реформы, поскольку была и остается их активным, хотя и далеко не главным участником. Надо сказать, что российские социологи нечасто обсуждают проблемы своей социальной роли и ответственности на конференциях, равно как и в обычном общении. В отличие от западных коллег, постоянно рефлексирующих по поводу места социологии в обществе, ее взаимодействий с различными институтами, ее участия в осуществлении различных реформ, у нас «социология социологии» не получила заметного развития. Думаю, что это наша ошибка. Если мы хотим, чтобы наука была действительно полезной и нужной, то также обязаны систематически оценивать, обсуждать и, если надо, корректировать свое участие в социальной трансформации России. Но прежде, чем остановиться на этом подробнее, попытаюсь подвести основные итоги десятилетия реформ в социально-экономической области, которая мне ближе других.

Экономическими реформами, вызвавшими наибольшие социальные сдвиги в российском обществе, на мой взгляд, явились: а) либерализация потребительского рынка; б) приватизация производства; в) формирование свободного рынка труда. Кратко охарактеризую их результаты.

Либерализация потребительского рынка решила одну из самых болезненных проблем России, позволив преодолеть изматывавший людей дефицит. С 1992 по 1995 гг. дефицит среди 14 наиболее беспокоящих население проблем перешел со второго на предпоследнее место. Это - крупное социальное достижение, существенно облегчившее трудности, связанные с другими сторонами реформ. Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три с лишним раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, «жить нормально». Причем динамика все еще отрицательна; только за два последних года доля россиян, считающих свое материальное положение «плохим», увеличилась с 42% до 49%, а тех, у кого это положение «хорошее», снизилась с 8% до 5%.

Приватизация производства существенно изменила всю структуру собственности в стране, но не в ту сторону, как ожидалось и обещалось. Вместо создания широкого слоя мелких собственников она привела к огромной концентрации богатства в руках узкого слоя «новых русских», в разных формах и на разных основах владеющих банками, биржами, инвестиционными фондами, предприятиями экспортных отраслей, уникальными природными ресурсами и т.д. Пока еще трудно судить о социально-правовом и деловом лице новых собственников российских богатств. Определенные признаки оживления экономики есть: чего стоит размах строительства, развернувшегося по всей стране. Но монополистический характер нового частного капитала в сочетании с продолжающимся спадом производства, кризисом инвестиций в российскую экономику и громадным оттоком финансов на Запад внушают больше тревог, чем надежд.

Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то

проведенная приватизация предприятий пока не оказала на них существенного влияния. Правда, наиболее активная и дееспособная часть населения приобрела (и в значительной мере использовала) большую свободу выбора форм занятости и хозяйственной деятельности, в зависимости от своих интересов и конкретных условий. В результате сформировался, пусть сравнительно слабый, но все же уже заметный бизнес-слой общества. Однако позитивное влияние приватизации на конечную эффективность экономики ослабляется кризисным положением промышленности, слабой помощью государства предпринимательству, неподготовленностью трудовых коллективов к самостоятельному управлению производством и многими другими факторами.

Не оправдались и надежды на то, что либерализация экономики повысит трудовую активность основной массы работников, занятых по найму, улучшит их отношение к труду. Напротив, мотивации к творческому заинтересованному труду, повышению образования и квалификации, как показывают исследования, скорее снизились. Находящиеся в тисках постоянной нужды, озабоченные поиском дополнительных заработков, большинство людей рассматривают свой труд, не как самоценность, а как средство к существованию. К тому же прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.

Формирование свободного рынка труда, регулируемого спросом и предложением, потенциально может способствовать установлению более справедливых и вместе с тем стимулирующих оценок квалифицированного и неквалифицированного, умственного и физического, сложного и простого труда. Но в условиях сокращения производства функционирование такого рынка неизбежно ведет к безработице. Пока она носит в значительной мере скрытый характер, хотя распространена достаточно широко: зарегистрировано свыше 3 млн. безработных. 3/5 корпуса директоров предприятий фиксируют наличие скрытой безработицы. Такая же доля работников боится потерять свои рабочие места. Среди беспокоящих население проблем безработица за последние годы передвинулась с шестого места на третье, уступая только инфляции и росту преступности.

Не менее важно, что сочетание остатков планово-распределительных механизмов труда и доходов с действием свободного, но пока «дикого» рынка труда вызывает невиданно резкие разрывы в оплате разных категорий работников и огромный рост социального расслоения. По уровню дифференциации доходов Россия сравнялась с развивающимися странами Африки. Поэтому 3/4 россиян считают современную систему распределения доходов еще менее справедливой, чем прежняя, а каждый четвертый респондент готов участвовать в массовых выступлениях против снижения уровня жизни.

Как показывают опросы ВЦИОМ, позитивными сдвигами наши сограждане считают в первую очередь разные стороны либерализации общества, а именно - расширение свободы печати, экономической и политической свободы, свободы зарабатывать. Эти положительные перемены называют от 40% до 50% опрошенных, как правило, принадлежащих к более энергичной, образованной, развитой и потому относительно адаптированной части общества, ориентированной на ценность самореализации и свободы. К негативным сдвигам население относит падение уровня жизни, ослабление общественного порядка и законности, снижение личной безопасности в связи с ростом преступности, потерю уверенности в завтрашнем дне, ухудшение отношений между людьми. Причем эти результаты реформ ощущают 80-90% населения, т.е. почти все.

Стоит ли удивляться, что за продолжение рыночных реформ высказываются лишь 20% опрошенных; только 1/3 из которых верит, что рынок приведет страну к процветанию; другие 2/3 считают, что вернуться к прежней системе нельзя. Прекратить рыночные реформы предпочла бы 1/4 опрошенных; половина из них связывает это с надеждой на восстановление социализма, а другая половина - с тем,

что реформы не получаются. По мнению же самой многочисленной группы (около 40%), продолжать реформирование экономики следует, но при условии гарантированной социальной защиты граждан. На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время, как по мнению 2/3, «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время жить как сейчас, предпочел бы один из шести.

В целом общественная ситуация тревожна. Во многих сферах общественной жизни - от экономики до нравственности, от политики до культуры - наряду с определенным прогрессом, заметны признаки деградации. Доверие россиян к любым политическим силам исчерпано. Они равно не доверяют ни президенту, ни правительству, ни Федеральному собранию, ни партиям и движениям, ни их лидерам. Извечно бывшая слабой в России связь власти с управляемым ею обществом еще более истончилась. Правящий слой обособился от остального общества, которое ответило ему тем же и занялось собственными делами. Нынешнее «молчащее большинство» не готово действовать в пользу какой-либо политической силы. На этом фоне возрастает опасность возможных авантур со стороны различных меньшинств. В такой ситуации даже близкое будущее общества становится малопредсказуемым.

Из сказанного, как мне кажется, видно, что до практической реализации целей, выдвигавшихся реформаторами в середине 1980-х годов и поддерживавшихся большинством социологов, нам пока еще весьма далеко. Более того, по ряду критериев, в первую очередь по уровню и условиям жизни большинства населения, можно констатировать заметный откат назад. Сложившаяся ситуация повышает одновременно и значение, и ответственность науки, профессионально изучающей процесс социальной трансформации общества, преобразования его структур и институтов, механизмы поведения и взаимодействия социальных сил, определяющих общественное развитие. Социологическое сообщество должно выработать ясное представление о подлинном (в отличие от декларируемого политиками) социальном содержании осуществленных и проектируемых реформ, провести всестороннюю объективную оценку, как их общественных итогов, так и вероятных последствий.

Современное состояние и задачи социологии

В неменьшей мере сложившаяся ситуация требует от социологов рефлексии и по поводу их собственной роли в преобразовании советского и российского общества. Ведь если достигнутый результат во многом противоположен выдвигавшимся целям, то это может объясняться двумя причинами: либо сознательным изменением целей субъектом реформирования в связи с признанием ошибочности ранее выдвигавшихся, либо незаметным и не вполне осознанным обществом (а может быть, и субъектом) отклонением реформ с намечавшегося правильного пути.

Не настало ли время разобраться, с чем мы имеем дело сейчас? Большинство социологов активно участвовало в «перестройке» и последующих социальных преобразованиях. Так что без критического осмысления роли, сыгранной социологией в последнем десятилетии, мы вряд ли сможем правильно определить ее задачи на будущее. К сожалению, сама я далеко не готова дать ответы на поставленные вопросы, это функция всего социологического сообщества. Позволю себе поделиться только некоторыми соображениями.

На мой взгляд, современная российская социология выполняет три главных функции. *Первая* из них носит внутринаучный характер и заключается в приращении фундаментальных и конкретных знаний о строении и функционировании общества и его крупных частей. Ее можно назвать научно-познавательной. *Вторая* функция, которую я назвала бы политической, отражает взаимодействие социологии с властными органами и состоит в содействии эффективному руководству общественным развитием. В основном она сводится к обеспечению «обратных связей» управления

путем информирования органов власти о том, как принимаемые ими решения реализуются на местах, к каким результатам это приводит, как можно повысить эффективность реформ. Третья функция нашей науки связана с формированием гражданского общества. Она заключается в методически надежном, доступном широкой публике и регулярном информировании общества о сущности происходящих в нем процессов, их причинах и результатах. Назовем эту функцию «гражданской».

На разных этапах развития социологии роль этих функций была различной. В дореформенный период (1965-1985) социология развивалась в трудных условиях. Но она, как и другие общественные науки, вовсе не представляла собой «интеллектуальную пустыню», как сейчас иногда утверждают. В действительности, рядом с застывшим официозным истматом успешно развивалась вполне научная и творческая социология. Сама специфика предмета этой науки, ориентированной на изучение реального состояния общества, обусловила преимущественно гражданскую, демократическую направленность социологических исследований. Причем отрицательное отношение власти к конкретной социологии, раскрывавшей слишком много того, что власть хотела бы утаить, содействовало довольно интенсивному развитию фундаментальных исследований, которые, как это ни парадоксально, тревожили власть существенно меньше. Однако суровая цензура препятствовала публикации общественно значимых результатов социологических исследований. Примером может служить хотя бы знаменитое таганрогское исследование, проводившееся несколькими крупными коллективами, а обсуждавшееся тремя десятками ученых за неприступными стенами АОН при ЦК КПСС. В таких условиях влияние социологии на формирование общественного сознания не могло быть сильным, и она вынуждена была выполнять по преимуществу лишь одну, хотя и главную, научно-познавательную функцию.

Начало перестройки ознаменовалось прежде всего восстановлением гласности, постепенно переросшей в подлинную свободу слова. Открылись двери не только для современной западной, но и для ранее загнанной в подполье отечественной критической мысли. Оказавшись объектом активной критики, марксизм вскоре потерял прежний статус «единственно верного» учения об обществе. Его развенчание в свою очередь породило методологический кризис социальных наук, снижение их общественного престижа, коллапс обществоведческого образования. В результате реализация объективно расширившихся возможностей свободного творческого развития общественных наук частично парализовалась их внутренними трудностями.

Большинство социологов в этот период видело главную задачу в содействии становлению демократической власти. Однако надо откровенно признать, что российские обществоведы не были готовы к научному анализу событий, связанных с перестройкой и последующим развитием страны. У них не было даже предварительного варианта программы социальных преобразований, которые следовало реализовать с помощью демократической власти. Не было и достаточно ясного представления о направлениях и способах проведения реформ. Обществоведы, принадлежавшие к официальной ветви науки, привыкли сосредоточивать внимание на «преимуществах» социализма, а не на его слабых местах. Те же, кто понимали бесперспективность советской системы и надеялись на перемены, были разобщены и не имели возможности дискутировать связанные с этим сложные вопросы, потому что это было опасно. Научно обоснованная программа реформ могла родиться лишь в результате длительной коллективной работы, свободных дискуссий ученых разного профиля, о чем в советское время не приходилось мечтать. В результате, когда новая власть обратилась к науке с вопросом, что и как следует делать, она услышала хор противоречивых голосов.

Действительная последовательность событий была противоположной: не перестройка стала итогом развития науки, а напротив, интенсивное и плодотворное развитие науки началось в результате утверждения демократии и гласности. Но и тогда мы не

смогли, не сумели или не сочли нужным сплотить усилия для разработки научных основ предстоявшей социальной трансформации общества. Такая работа не была начата, поскольку казалось, что требуемые реформы будут проведены быстро, в течение каких-нибудь нескольких лет, так что для разработки фундаментальных проблем российского общества просто нет времени. Большинство социологов переключилось на изучение общественного мнения и проведение исследований, прямо связанных с осуществлением реформ, а многие непосредственно включились в политику, став народными депутатами, членами Верховных Советов СССР и РСФСР, руководителями социологических центров при разных органах власти и т.д.

В ответ на конструктивную позицию социологов ЦК КПСС по инициативе М.С. Горбачева принял в 1988 г. постановление «О повышении роли социологии в развитии советского общества», серьезно содействовавшее институционализации нашей науки. Однако вскоре началось расхождение ученых с властью, обусловленное, с одной стороны, утратой Горбачевым своей демократической харизмы (в связи с событиями в Тбилиси, Вильнюсе и т.д.), а с другой, ростом недоверия и антипатии власти к не отвечавшим ее ожиданиям результатам исследований. В целом в период "перестройки" социология выполняла прежде всего гражданскую и политическую функции, в то время как основная - научно-познавательная - функция на время словно бы отошла в тень. В известной мере здесь проявился компенсаторный эффект по отношению к советскому периоду, когда две первые функции были угнетены. Главной нашей ошибкой, о которой можно сейчас сожалеть, на мой взгляд, было необоснованное свертывание фундаментальных социологических исследований, результаты которых сейчас были бы в высшей мере полезны.

Распад СССР, а затем почти сразу последовавшие за ним шоковая либерализация цен и переход к рыночным отношениям, ознаменовавшие начало постсоветских реформ, тяжело отразились на состоянии науки. Прежде единое научное сообщество разделилось на части, механическая сумма которых неравносильна прежнему целому. Резкое сокращение государственного финансирования привело к упадку многих социологических школ, распаду сильных социологических коллективов, вынужденной коммерциализации науки. Волна опросов общественного мнения, дополнившихся маркетинговыми исследованиями, едва не захлестнула социологию как таковую. Не только в обществе, но и среди ученых распространилось стереотипное представление о социологии как о науке, сводящейся к проведению массовых опросов населения.

Однако одновременно шли очень важные позитивные процессы, связанные с преодолением методологического кризиса, возникновением новых форм социологического образования, переподготовкой российских социологов на Западе. Расширилась сеть социологических центров в большинстве регионов России. Новое развитие получили международные научные связи, открылось несколько новых социологических журналов и информационных бюллетеней. Возникновение большого числа международных и российских научных фондов; систематическая организация конкурсов исследовательских, издательских и других проектов облегчила материальное положение ученых, а также позволила существенно укрепить и обновить техническую базу исследований. Наконец, что самое важное, о себе достаточно настойчиво заявило новое перспективное поколение социологов. Так что сегодня мы не только живем в новом обществе, но и представляем новое социологическое сообщество.

Остается сказать, как все эти перемены повлияли на выполнение функций социологии. По-видимому, более или менее полный и точный ответ на этот вопрос можно выработать лишь коллективно. Я же выскажу лишь некоторые личные соображения. Как мне представляется, с выполнением научно-познавательной функции социологии дело обстоит относительно благополучно. Однако достигнутый уровень развития нашей науки еще недостаточен для полноценного, профессионального участия в научном обосновании реформ. Главные причины этого я вижу, во-первых, в

отсутствии достаточно полного, надежного и конкретного знания социальных структур, институтов и механизмов функционирования современного российского общества, значительная часть которых являются «теневыми», представляя как бы «подводную часть» нашего общественного «айсберга». И, во-вторых, в неразработанности общей теории или генеральной концепции постсоветского общества, которая могла бы составить методологическую основу специальных отраслей социологического знания, наподобие того, как это делал марксизм. Формирование такой концепции - центральная задача не одной социологии, но и других общественных наук. Однако ее решение упирается в проблему не только времени, но и рождения новых крупных талантов.

Как мне кажется, в последнее время заметно ослабела гражданская функция социологии, связанная с информированием и социальным просвещением общества. Правда, в количественном отношении здесь не на что жаловаться: наши данные постоянно звучат в эфире, появляются на газетных страницах. Тем не менее, в последние годы социология потеряла ту массовую аудиторию, которой владела на грани 80-90-х годов. В результате снизился ее престиж. Несколько лет назад появление яркой социологической статьи было общественным событием, ее идеи широко обсуждались, становились массовым достоянием. Сейчас же мне трудно припомнить выступление социолога, вызвавшее заметный общественный отклик. Конечно, следует принять во внимание изменение самого общества: тогда оно находилось в состоянии эйфории и ожидания благих перемен, сейчас же устало и разочаровалось. Но не видно и крупных социальных идей. Иногда создается впечатление, что никто толком не знает, что нужно и можно делать. Быть может, поэтому центр тяжести переносится с социального просвещения общества на развитие базового социологического образования, подготовку новых поколений социологов.

Но наиболее сложно обстоит дело с выполнением политической функции социологии. Дело в том, что обычно наука и власть ориентируются на разные ценности и «говорят на разных языках». Поэтому они плохо понимают друг друга даже в спокойные времена, не говоря о таких конфликтных и сложных периодах, как переживаемый в настоящее время. Бесспорно, социология как наука об обществе должна содействовать повышению социальной эффективности проводимых реформ. Естественной функцией ученых-обществоведов является научное консультирование тех, кто облечен правом так или иначе экспериментировать над обществом. Но здесь возникают серьезные трудности. С одной стороны, профессиональное участие социологов в реформировании общества затрудняется тем, что правящий слой не заинтересован в сотрудничестве с наукой и не склонен выслушивать ее мнения (если только она сама не соглашается петь с его голоса). С другой стороны, нельзя не признать, что пухлые доклады и программы, представляемые научными институтами органам власти, часто не имеют серьезной ценности. Сами авторы готовят их нехотя, без веры в их действительную необходимость и пользу. Поэтому, хотя не только поэтому, «практические рекомендации» ученых так редко бывают осуществимы и полезны. Решение этой проблемы мне неизвестно. Получается, что мы обязаны что-то делать, но в то же время не можем. Где же выход? Решая этот вопрос для себя, я отвечаю: самый естественный способ взаимодействия социологии с властью — это независимый объективный анализ происходящего и, в случае необходимости, информирование властных органов о фактических результатах их действий и общественной реакции на принимаемые ими решения. Быть может, к этому надо прибавить высказывание собственного мнения о том, что следовало бы поправить или сделать иначе. Но все же наука не должна прямо работать на правительство, иначе она перестает быть наукой.